

"ЧЕЛОВЕК НА РУСИ"

Михаил Бударгин

*Доведётся мне, Боже,
Ставить жизнь на весы,
Потому что я тоже
Человек на Руси.*

Нурислан Ибрагимов.

Холод петербургской ночи. Свет от фонарей медленно и лениво падает на асфальт. Шаг ... ещё шаг... ещё шаг...

Падение.

Умирать не страшно - страшно жить. И пустота питерского неба - это, конечно же, не спасение. И не выход. Это - всё, что осталось. Жить с пустотой в душе могут немногие.

Александр Башлачёв был, может быть, единственным поэтом (без приставки рок-, потому что настоящий поэт не нуждается в приставках), который ощутил всю тяжесть той самой холодной пустоты, о которой позже напишет Пелевин. У Пелевина получилось вольготно, просто и даже кое-где смешно. От коммерческих проектов люди не умирают.

Башлачёв же коммерческим проектом не был.

Звучит банально, но он был поэтом.

И к своей пустоте он готовился. Перед этими шагами были долгие дни и ночи, полные предчувствием гибели. Лермонтовская горечь и горящие от волнения глаза - это тоже шаги.

Голос с кассеты не поёт. Он говорит:

Не плачь, не жалей. Кого нам жалеть?
Ведь ты, как и я, сирота.
Ну, что ты? Смелей! Нам нужно лететь!
А ну от винта! Все от винта!

Он просит:

Засучи мне, Господи, рукава!
Подари мне посох на верный путь!
Я пойду посмотреть, как твоя вдова
В кулаке скрутила сухую грудь.

Он был готов к тому, чтобы уйти. Стихи чаще всего говорят за поэта. Стихи Башлачёва говорят только об одном:

И я готов на любую дыбу.
Подними меня, милая, ох!
Я за все говорю - спасибо.

Ох, спаси меня, спаси, Бог!

Откуда могло взяться такое самопожертвование? Во искупление каких грехов, своих и чужих, Башлачев готов был принять все "семь кругов беспокойного лада"? Почему он ушёл на восьмой, завершающий, круг?

Я никогда не пытался отвечать на эти вопросы: получалось так, что ответы приходили сами.

Звенели бубенцы и кони в жарком мыле
Тачанку понесли навстречу целине...

Кони, тачанка, вихрь и ветер. Только Башлачев мог сказать "Рок-н-ролл - славное язычество". Только он мог жить в Советском Союзе и с любовью петь о Сибири:

Я хотел бы жить, жить и умереть в России,
Если б не было такой земли - Сибирь.

Его Сибирь была без лагерей и БАМов. Он жил в другом государстве. Страна была той же - дороги, грязь, водка, блоковская безысходность, - но государство - другое. А над этой нелепой и нерушимой постройкой он откровенно смеялся. Откровенно и горько:

А мне до боли хочется в разведку.
Айда, ребята, кто из вас со мной!?

В разведке с ним не было никого. И он знал, что мало кто отважится идти так глубоко, как пошёл он. Башлачев посмел замахнуться на святая святых русского менталитета - на грязь, глупость и хамство. Не в правительстве и не где-нибудь наверху (тех, кто наверху, критиковать всегда удобней: поднял голову, плюнул и стой радуйся). Нет. Если и искать грязь, то только в себе.

А не гуляй без ножа! Да дальше носа не ходи без ружья!
Много злого зверья. Ошалело - аж хвосты себе жрет.
А в народе зимой - ша! - вплоть до марта боевая ничья!
Трудно ямы долбить. Мерзлосем коловорот не берет.

О каком это веке написано? Из русской допетровской тьмы начиналась Россия. И те, кого гордо именовали "народом", звериной душой там ещё: в прокопченных избах и с ножом за голенищем сапога. Башлачев в исследовании так называемой "загадочной русской души" (надеюсь, произвольном, ибо произвольное - удел патологоанатомов) дошёл до таких откровений, которые поэтам и писателям "среды" и "общества" не могли привидеться в страшных снах:

Мы - выродки крыс. Мы - пасынки птиц.
И каждый на треть - патрон.

Закрывать глаза всегда легче. Так не видно ни света, ни тьмы. Башлачев глаза распахнул, чтобы чувствовать всё. Тьму он увидел сразу, явственно и чётко. Из тьмы родилась боль. Но за болью, за тьмой, за криком, переходящим в хрип, неожиданно пришла любовь:

Но объясни - я люблю оттого, что болит,
Или это болит, оттого, что люблю?

Любилось и болелось Башлачёву почти одинаково. За метафорами и причудами русской речи видится осмысленная попытка понять, откуда взялась эта боль и эта любовь. "Как ветра осенние заметали плаху..." - это ведь тожѐ о ней, о любви.

И всем своим существом, инстинктивно и отчаянно, Башлачёв искал во тьме свет. Итог этих поисков - "Тесто": не то песня, не то баллада, не то притча...

В России на словах всегда любили соглашаться с Христовыми заповедями. Но спинным мозгом мы, умные, понимали, что все это не очень выполнимо, и прощали себе слишком многое. Башлачёв был другим, а потому мог смело спросить:

Да как же любить их - таких неумытых,
Да бытом пробитых, да потом пропитых?

Действительно, как?

А как всю округу - чужих, неизвестных,
Да так - как подругу, как дочь, как невесту?
Да как же, позвольте спросить?

Об этом давно уже не спрашивали. Но Башлачёв для того и жил крестившейся Русью, чтобы иметь право на вопросы, ответом которым служат его же слова:

Тут дело простое - нет тех, кто не стоит,
Нет тех, кто не стоит любви.

Разве Христос говорил не эти же слова? Как раз эти самые. Тут уж кто как услышал. И на пространный вопрос (у нас в России с ехидством обычно спрашивается...): "Да как по этим заповедям жить? Кто это всё придумал?" Башлачёв не мог не ответить:

Тут дело простое - найти себе место
Повыше, покруче. Пролить темну тучу
До капли грозою - горячей слезою -
Глянь, небо какое!
Пречистой рукою сорвать с неба звезды
Смолоть их мукою
И тесто для всех замесить.

И только он сам знал, как это сложно. Ведь нужно становиться выше себя и выше собственной боли. Нужно любить без оглядки и без требования ответной любви. Восьмым кругом "беспокойного лада" была именно любовь. Седьмым - боль. Переходить с круга на круг - дорогого стоило. Но - стоило ведь. Башлачёв видел свою смерть задолго до того, как она встала у его порога. Противиться и плакаться он не стал. Он посмотрел ей в лицо и бросил:

Жизнь... Она не простит только тем,
кто думал о ней слишком плохо.

Жизнь его простила. Она простила ему даже пустоту, которую он сам так себе и не простил и от которой всегда пытался уйти в любовь.

Но, наверное, пытаться любить всех в России (как бы она ни называлась и кто бы ей ни правил) - это больше, чем быть хорошим или гениальным поэтом. Я не говорю о

собственно любви ко всем (человеку это не по силам), я говорю только о попытке...

Башлачев попытался. Зная, что попытка так и останется не полётом, а подготовкой к нему, он отодвинул тьму и боль и принял тот единственный свет, который шёл из глубины его израненной души:

Пока пою, пока дышу, дышу и душу не душу,
В себе я многое глушу. Чего б не смыть плевка?!
Но этого не выношу. И не стираю. И ношу.
И у любви своей прошу хоть каплю молока.

Белёсый питерский воздух ... Шаг ... ещё шаг ... ещё шаг...

Падение.

Взлёт.